

Н. Полевой

Сохатый

(Сибирское предание)

Русские альманахи: Страницы прозы / Сост. и автор примечаний В. И. Коровин.-- М.: Современник, 1989 (Классическая библиотека "Современника")

[OCR Бычков М. Н.](#)

1

СИБИРЬ

Ты не забыта мною, моя далекая родина, Сибирь, богатая золотом, дремучими лесами, морозами и дивными явлениями природы! Как первые мечты юности, как любимые игры детства, я помню твои вековые кедры, твои безмолвные пустыни, переломленные веками утесы в ущелиях гор и твою безмерную, голубую, как глаза сибирской девы, светлую, как глыба льду, Ангару, на берегах которой беспечно, весело и быстро пролетели дни детства моего. Сибирь! как далека ты и как близка к душе моей! Все, что впечатлевалось некогда в юную память мою, все помню я, даже гул ветра по сосновым лесам, когда, переходя с мшистых тундр, в твоих дебрях гуляет он, мощный сын Ледовитого моря, и разносит туманы, и природы, и страсти, которые облегают здесь, на Руси, небосклон, и тускнят в глазах моих и великолепные здания, и бархатные луга, и цветущие поля, согреваемые солнцем, распещряемые радугами цветов и пожираемые завистливым человеком. Смотри ли на здешние обнаженные поля, забыть мне твои необозримые, нетронутые степи, Сибирь -- *золотое дно!* В тебе живет не много людей -- не завидуй многолюдству здешнему: здесь и пороков более, чем в твоих малолюдных городах! Благодарю провидение, что в тебе есть где поместиться и исчезнуть тлетворным преступлениям, которые звуком цепей означают путь свой из здешней стороны и теряются в неизмеримости пустынь твоих, как ручей в волнах Ангары, как следы легкого оленя, по глубокому снегу якутской стороны!

Простите воспоминаниям былого, друзья мои! Заставляя меня рассказать вам одну из былей, слышанных мною в Сибири, в бывалые годы моей юности, вы напомнили мне мою родину, в которой приведет ли меня бог бывать когда-нибудь еще! Дивитесь странностям человеческого сердца: я многое видел с тех пор, как в последний раз с надеждами, с мечтами на будущее -- еще юный, еще полный жизни -- глядел на Иркутск, над которым великолепно восходило солнце и золотило лучами своими синие воды Ангары и зеленые берега Иркутка... Много времени минуло тому; много испытала душа моя и горя, и радости; много тех, с которыми делилась она, совершили навсегда путь жизни и отдыхают под гробовым дерном... Но где я ни был -- и на вершинах Урала, и вблизи Кавказа и Тавриды, и на берегах Азовского моря, и на высланных гранитом берегах Балтийского моря, и на роскошных пажитях Украины -- нигде, нет, нигде уже не волновалась так душа моя, не билось так сильно сердце мое, не горела так пламенно голова моя, как там, в дикой моей родине! Это был мир очарований, мир, пролетевший сном мгновенным. Если кто из вас, друзья мои, будет в Иркутске -- пусть пойдет он за город, к тому месту, где близ старой, разрушенной мельницы вливается в Ангару Ушаковка. Тут извивистое течение этой речки приведет его к тому месту, где Ушаковка раздвояется островами, где против него на луговой стороне будет старое Адмиралтейство -- тут жил отец мой; тут были пределы первого моего мира; тут мечтал я, плакивал за Плутархом, думал быть великим человеком, подобно великим людям, им описанным; горделиво расхаживал по лугу, уединяясь в тень деревьев, вдохновляясь первою любовью, делясь первыми ощущениями дружбы... Там, говорят, все изменилось: старый отцовский дом не существует; добрых людей, которые некогда собирались в нем, разнесла буря жизни, и меня -- беспечного юношу -- увела судьба далеко от родины... Но обратимся к моему рассказу.

И теперь еще малолюдна Сибирь, и теперь еще дики леса ее; но прежде была она еще малолюднее, леса ее были еще диче. Было время, что воевода, посланный из Москвы, два года ехал до Иркутска, отдыхая в уединенных острогах и зимовьях от дороги бесконечной. Теперь всюду видите уже следы человека: леса прорублены, болота устланы мостами, горы обрыты. Часто едете и ныне не встречая